

РЕЦЕНЗИИ

Славяноведение, 2023, № 3, с. 117–120

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 3, pp. 117–120

DOI: 10.31857/S0869544X0025880-1

Рецензия / Review

С. Дюллен. Уплотнение границ. К истокам советской политики. 1920–1940-е. / пер. с фр. Э. Кустовой. М.: НЛО, 2019. 416 с.

© 2023 г. М.О. Иванова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Российская Федерация)

moivanova@hse.ru

Рецензия подготовлена в рамках исследования, осуществленного при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Ссылка для цитирования: *Иванова М.О.* С. Дюллен. Уплотнение границ. К истокам советской политики. 1920–1940-е / пер. с фр. Э. Кустовой. М.: НЛО, 2019. 416 с. // *Славяноведение*. 2023. № 3. С. 117–120. DOI: 10.31857/S0869544X0025880-1

S. Dullin. *The Thick Frontier. The Origins of Soviet Policies (1920–1940)* / Transl. by E. Kustovaia. Moscow, NLO Publ., 2019. 416 p.

© 2023. Maria O. Ivanova

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

moivanova@hse.ru

This review was prepared within the framework
of the HSE University Basic Research Program

Reference for citation: *Ivanova Maria O.* S. Dullin. *The Thick Frontier. The Origins of Soviet Policies (1920–1940)* / transl. by E. Kustovaia. Moscow, NLO Publ., 2019. 416 p. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 3. P. 117–120. DOI: 10.31857/S0869544X0025880-1

Книга французского ученого Сабин Дюллен, специалиста по советской истории и международным отношениям, посвящена политической истории довоенного СССР. Автор подошла к теме через исследование западного пограничья Советской России. Исследовательница предложила «взгляд сбоку, с периферии» не только для того, чтобы по-новому рассмотреть политическую историю этого периода, но и для пересмотра некоторых устоявшихся позиций в историографии.

Понятие «граница» и его производные (пограничье, фронтир [2]) являются одними из самых дискуссионных в исторической науке и крайне важными для изучения разных аспектов истории и культуры. Понимание границ и пограничья как динамичных конструктов активно разрабатывалось в научной литературе последние несколько десятилетий. Значимой работой в этом направлении является исследование П. Салинса [3], к идеям которого ближе всего настоящее исследование С. Дюллен.

Безусловно, существующие методологические подходы к изучению границ и пограничья важны для осмысления российской и советской истории. В новейшей историографии, посвященной изучению российского пограничья, со схожей представленной С. Дюллен позицией можно выделить несколько значимых работ, которые, однако, посвящены Дальневосточному региону. Это монография А.А. Киреева о формировании и функционировании дальневосточной границы [1] и книга С. Урбански об истории русско-китайской границы [4]. Исследование С. Дюллен сфокусировано на более коротком временном промежутке, но обращается к фундаментальным проблемам через анализ западных границ государства.

В данной монографии автор рассмотрела «границу как процесс, как освоение разрыва между примыкающими зонами, как трудное, являющееся предметом переговоров создание отличия, которое со временем превращается в систему». Граница для нее «существует только тогда, когда она влечет за собой последствия. Рубеж [...], когда он вмешивается в политику, влияет на повседневную жизнь, вторгается в воображаемое» (с. 12).

В исследовании были учтены и другие концептуальные положения современной историографии (модерность, история повседневности). При анализе проблем национальной политики автор опиралась на историографические позиции Дж. Смита и Т. Мартина (с. 14).

Под «уплотнением границ» (в оригинальном названии «*La frontière épaisse*») С. Дюллен понимает процесс закрытия границ СССР и начало формирования «железного занавеса». Как подчеркнула автор, на это «уплотнение» потребовалось более 15 лет (с. 16).

В исследовании рассмотрена часть западных границ Советской России «от Дуная до Петсамо», в частности особенное внимание С. Дюллен уделила «району Минска (граница с Польшей) и Ленинграда (граница с Финляндией)» (с. 14), она также затронула и другие пограничные зоны: восточные и южные границы СССР (с. 39–45, 190–218). Такие краткие обобщения и сравнение полученных результатов с иными территориями страны дали возможность более четко определить перспективы и понять логику общегосударственных изменений в управлении ее пограничными территориями, которые часто сначала апробировались именно на западных рубежах страны и только потом могли вводиться в других регионах. Это обстоятельство и объясняет важность для автора обращения, в первую очередь, к изучению ситуации в районе европейской границы СССР.

С. Дюллен также стремилась показать общеευропейские паттерны развития в вопросах границ (с. 71–73), поместив «большевистский эксперимент в контекст европейской тенденции того времени» (с. 14). Она не просто сфокусировалась на том, что происходило на советском пограничье, но и рассмотрела аналогичные процессы на территориях соседних стран (в особенности Румынии, Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии), показав отличия государственной политики у соседей и возможные методы кооперации с ними с советской стороны для достижения своих целей. Так граница представлена и как место идеологической конфронтации и борьбы, и как место не просто взаимодействия, но сотрудничества.

Книга разделена на пять самостоятельных глав. Однако у первой главы вводная роль. По этой причине, важная и интересная мысль этой части работы о репрезентациях фигуры пограничника в публичном пространстве выражена крайне сжато и, как следствие, менее убедительно. Например, это относится к положению о конструировании образа пограничника как носителя и проводника советской культуры, что помогало делать границу осязаемой (с. 21–24). С. Дюллен в основном опиралась на кинематограф и другие визуальные источники (с. 20–27), что раскрывает только методы формирования образа пограничника, но не его рецепцию.

Не менее интересными являются положения исследовательницы о героизации пограничной службы через поощрения со стороны государства, а именно вручение наград за службу (с. 39–49). С. Дюллен отметила, что во время волн политических репрессий «несмотря на обилие публикаций *pro domo sua*, посвященных пограничникам, возможные чистки в их отношении нигде не упоминаются. Ни в публичных обвинениях, ни в секретных директивах 1936–1938 годов не звучит идея возможного предательства со стороны пограничников» (с. 45). Автор предположила, что эта тема была табуирована.

Однако попытка совместить сюжеты о пограничнике (т.е. о людях) и границе (т.е. о территориях) предпринята практически только в первой главе. На фоне трансграничных процессов, роль и фигура пограничника могут показаться «брошенными» и незавершенными. Через вопрос о публичной репрезентации пограничных служб, а также выделения пограничной зоны на уровне культуры, автор плавно подводит читателя к проблеме, связанной с восприятием пограничья со стороны власти как к особому региону, так как «престиж, которым наделялась охрана границ, был чаще всего

пропорционален чувству территориальной уязвимости» (с. 18).

Таким образом, фактически основное исследование представлено в следующих четырех главах. Вторая и третья части посвящены хронологическому описанию процессов формирования новых границ и обустройству пограничья в 1920-е годы как с институциональной точки зрения, так и идеологической. Здесь автор сфокусировалась не только на том, как обустроивалось пограничное пространство, но и на объяснении причин и логики принятия тех или иных решений. С. Дюллен обратилась к концепции витрин, а именно превращению пограничных зон на западе страны в образцово-показательные территории (с. 96–110). С одной стороны, это закрепляло советскую власть в регионе, на который могли претендовать соседи, с другой – пограничье становилось местом идеологической борьбы, о чем уже говорилось выше, и пропаганды, направленной не только внутрь страны, но и вовне.

Четвертая и пятая главы также описывают пограничные процессы, но уже в 1930-е годы, где автор показала, что основные векторы в политике на границе были заложены именно в 1920-е годы. Исследовательница считает, что в 1939–1940 гг. происходит завершение процесса, который, как она полагает, «был одновременно национал-революционным и ревизионистским» (с. 191). Именно в последних главах были суммированы и дополнены более ранние исследования С. Дюллен [5–7]. Одним из главных тезисов исследования, который наиболее полно раскрывается в четвертой главе, является формирование пограничья как запретной зоны, а также проблема табуированности этой темы (с. 149–150). Хотя автор и отметила, что ей не удалось найти в архивах карт западных запретных зон (с. 154), границы этих территорий она реконструировала на основе делопроизводственных материалов.

Такая тема, как пограничье неизбежно находится на стыке двух историографических блоков, которые чаще всего существуют автономно – это внешняя и внутренняя политика. С. Дюллен, будучи специалистом именно по истории международных отношений и внешней политики СССР, обратила внимание на проблему и не только продекларировала стремление преодолеть ее (с. 14–15, 94), но и реализовала это. Благодаря сопоставлению внутренней политики с международной обстановкой (прежде всего, в Европе), история развития и формирования советских приграничных зон была встроена в общеевропейский исторический контекст, что позволило автору, помимо прочего, интерпретировать некоторые мотивы принятия

решений советским руководством и, в особенности И.В. Сталиным (с. 159–161).

Послесловие представляет не вполне стандартное заключение книги – автор предложила поразмышлять о различных процессах, происходивших в последующие годы советской истории, паттерны которых были заложены в 1920–1940 гг. и рассмотрены автором книги.

С. Дюллен обозначила весьма амбициозные цели своего труда. Это означало необходимость рассмотреть границу с разных сторон: региональной и трансрегиональной; прагматической и идеологической; повседневной и символической. Однако попытки сделать исследование максимально обобщенным и многогранным частично размыло рамки работы, что привело к неполному выполнению поставленных задач. На мой взгляд, именно символические аспекты и вопросы повседневности удались автору меньше всего. Наиболее подробно они были рассмотрены в отдельных частях второй и четвертой глав. В монографии упор в основном сделан на то, как рубеж и граница вторгались в «зону вообразимого» у политических элит.

Тем не менее указанные выше замечания не уменьшают значимости как самой работы, так и выводов автора. Подход, использованный в данном исследовании, заслуживает самого пристального внимания и дальнейшего развития для анализа не только истории российского и советского пограничья, но и других проблем отечественной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Киреев А.А.* Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI вв.). Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. 474 с.
2. *Тернер Ф.* Фронтир в американской истории / пер. с англ. А.И. Петренко. М.: Весь мир, 2009. 304 с.
3. *Sahlins P.* Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees. Berkeley. Los Angeles. Oxford: University of California Press. 1991. 372 p.
4. *Urbansky S.* Beyond the Steppe Frontier: A History of the Sino-Russian Border. Princeton: Princeton University Press. 2020. 367 p.
5. *Dullin S.* Une diplomatie plébéienne? Profils et compétences des diplomates soviétiques, 1936–1945 // Cahiers du monde russe. 2003. Vol. 44. № 2–3. P. 437–464.
6. *Дюллен С.* Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа. 1930–1939 / пер. с фр. Э. Кустовой. М.: РОССПЭН. 2009.
7. *Дюллен С.* Логика великой державы и ловушки прошлого: сталинская внешняя политика

эпохи первой пятилетки // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М.: РОССПЭН. 2011. С. 236–255.

Cahiers du monde russe. 2003, vol. 44, no. 2–3, pp. 437–464.

Kirejev A.A. *Dal'nevostochnaia granitsa Rossii: tendentsii formirovaniia i funkcionirovaniia (seredina XIX – nachalo KHKHI vv.)*. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publishing House, 2011, 474 p. (In Russ.)

REFERENCES

Dullin S. *Des hommes d'influences. Les ambassadeurs de Staline en Europe, 1930–1939*. Paris, Payot. 2001. (Russ ed.: Dullin S. *Stalin i jego diplomaty. Sovetskii Soiuz i Jevropa. 1930–1939*. Transl. by E. Kustovaia. Moscow, 2009).

Dullin S. Logika velikoi derzhavy i lovushki proshlogo: stalinskaia vneshniaia politika epokhi pervoi piatiletki. *Istoriia stalinizma: itogi i problemy izucheniiia*. Moscow, 2011, pp. 236–255. (In Russ.)

Dullin S. Une diplomatie plébéienne? Profils et compétences des diplomates soviétiques, 1936–1945.

Sahlins P. *Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees*. Berkeley. Los Angeles. Oxford: University of California Press. 1991. 372 p.

Turner F. *The Frontier in American History*. New York: Henry Holt and Company, 1920. (Russ ed.: Terner F. *Frontir v amerikanskoj istorii*. Transl. by A.I. Petrenko. Moscow, Ves' mir Publ., 2009, 304 p.)

Urbansky S. *Beyond the Steppe Frontier: A History of the Sino-Russian Border*. Princeton, Princeton University Press. 2020. 367 p.

Информация об авторе:

Иванова Мария Олеговна,
стажер-исследователь лаборатории
региональной истории России
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0003-3896-6815
E-mail: moivanova@hse.ru

Information about the author:

Ivanova Maria O.,
research assistant
Laboratory 'Russia's Regions
in Historical Perspective'
HSE University,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-3896-6815
E-mail: moivanova@hse.ru